

Захар Серебров

ФРЕДДОР
НИТОВ

18+

Захар Серебров

Федор Нитов

«Автор»

2026

Серебров З.

Федор Нитов / З. Серебров — «Автор», 2026

1953 год. В Москву прибывает амнистированный налетчик Федор Нитов, вор «средней руки», мечтающий стать «аристократом» преступного мира, медвежатником, взломщиком сейфов. Но пока что он лишь обыкновенный вор-громил, и ему нужны средства, чтобы жить в столице. Его ждут неожиданные события, схватки и даже смертельная ловушка, ведь рядом с удачей всегда ходит беда.

© Серебров З., 2026

© Автор, 2026

Захар Серебров

Федор Нитов

ФЕДОР НИТОВ

1953

1

По залитой солнцем улице шел, по-детски улыбаясь, амнистированный вор. Его звали Федор Нитов.

Ему хотелось выпить и закусить. Взять рюмку водки и вылить ее в свое горло. И повторить это действие. А после взять жирной селедки, жареного мяса и отварного картофеля с укропом и съесть все это с большим удовольствием.

«Хорошо! – думал вор. – Восхитительно!»

Весенняя улица была необыкновенно оживлена, отовсюду доносились звуки. Таял лед, веселились птицы, визжали шины автомобилей. Гудки раздавались каждую минуту. И везде было солнце – в окнах, на крышах и на мостовой.

И океан человеческих лиц.

Нитову хотелось, чтобы и дальше все было так же великолепно.

Его знакомая, Варвара Л., умеет принимать гостей и знает толк в угощениях. Ей известно, как мужчины любят выпить и закусить. Она любезная дама. Она накроет стол большой белой скатертью, поставит графин холодной водки и тарелку с солеными груздями, подаст свежего черного хлеба. А потом появятся и другие угощения.

Нитов вошел во двор Варвары в один час тридцать минут пополудни. Узнал на ее окне красную плюшевую занавеску.

Он вспомнил, как выглядит комната: на полу стоит пальма, в креслах лежат маленькие подушки. На стене висит ковер с лебедями, одна птица черная, одна белая.

«Варя любит шик, – подумал Нитов. – Потом, когда подвернется дело, обязательно принесу ей что-нибудь».

Он позвонил у двери, и вскоре Варвара Л. выглянула в проем.

– О! – сказала женщина. – Да что же это такое происходит в природе! Откуда вас ветер несет и несет в мою сторону? Сколько же можно, джентльмены?

Варвара была в новом платье, волосы аккуратно уложены. Красивый красный лак на ногтях, томный, как вино.

– Что не так, Варюша? – спросил Нитов. – Почему не приглашаешь? Почему вдруг такие сомнения?

Варвара вышла и притворила дверь.

– Я не одна, Федя. Ты разве не знаешь этого? Неделю назад был Леня Волжский, а раньше него Буров и Маркуша-Блондин. И все отвернули отсюда с большим пониманием, без вопросов.

Нитов поразился.

Он хотел было отстранить женщину, вломиться и сорвать с петель дверь ее комнаты, однако, услышав ее последние слова, остался на месте.

– А кто там? – спросил он. – С кем ты теперь, Варя?

– С Ереминым. Вот уже два месяца.

Георгий Еремин, по прозвищу Жора-Ермак, был известной личностью. Нитов слышал о нем по три раза в году. Иногда сообщение заканчивалось словами: «И тогда Жора-Ермак решил по-другому, и все согласились». А иногда просто: «Жора интриг не любит».

Нитов чувствовал досаду. Он не мог ничего сказать. Еремин был решительный и значительный вор, и это признавали другие такие же воры.

Ничего не ответив, он отправился восвояси, и шагал теперь по улице без улыбки.

В карманах у него было пусто, даже папиросы закончились. Деньги вышли еще в дороге.

Час назад, сойдя с поезда, он попробовал раздобыть сто рублей на вокзале, но у него ничего не вышло. Хотя в первую же минуту он увидел знакомого.

Пройдясь по перрону туда-сюда, он увидел в толпе хмурого, сонного, оплывшего от пьянства пожилого вора по прозвищу Дыня и подумал, что ему повезло. Уныло зевая, Дыня торчал в потоке прибывших пассажиров, как палка в быстром ручье. В руке, для виду, у него был вялый букет.

«Интересно, – подумал Нитов, – удастся ли ему прихватить чемодан?»

Он тут же очутился рядом и сказал:

– Привет с крайнего севера! Какие нынче погоды в столице?

– Ничего любопытного, Федя.

Так Дыня говорил и в тюремном бараке: «Ничего любопытного», не имея привычки рассказывать подробности. Как всегда, лицо у него было недовольное.

Нитов твердо решил спросить сто рублей и уже раскрыл рот, но Дыня вдруг сказал:

– Ах, денег ни черта нету! Ни рублишка. Плохо, Феденька. А почему? Шантрапы слишком много. Да-да. Сейчас тут работают еще пятеро, молодые, без принципов, углы рвут зубами. Вот откуда они взялись? И кто мне скажет, как жить?

– А ты погрози им кулаком, – сказал Нитов. – А я посмотрю. А хочешь, погрози пальцем.

– Шутишь, Федя?

Нитов сунул руку в карман, но вспомнил, что коробки с папиросами там нет, и только усмехнулся.

– Ну и кисни дальше, – сказал он. – А я куплю халвы и поеду к даме.

– Правильно, соколик. Иди к Глуше. У нее всегда найдется что-нибудь хорошее, особенно для своих. Уж тебе-то она наведет на дело.

– Ума в тебе, как в тонне чугуна. Какая Глуша? Я прибыл сюда по сердечным делам. Погляди кругом: весну замечаешь? Дама сердца – вот что у Феди на уме.

Не дожидаясь ответа, Нитов удалился. В голове у него была Варвара Л.

Это произошло час назад. Теперь он надеялся на Глушу – Антонину Захариевну Глухову, живущую на Самотеке в темном деревянном доме, в комнате под чердаком.

Глуша была дома, когда Нитов вошел в сырой, заплесневелый подъезд и стал подниматься по лестнице.

Старая наводчица пила чай и курила папиросу, вынимая из кармана вязаной кофты кусок сахара. Откусив немного, возвращала обратно.

Нитова она узнала сразу, но сделала вид, что ей все равно.

– Ничего нет, – сказала она. – Вообще ничего.

– Как! Да ты погоди. Разве не узнаешь меня? – спросил Нитов.

– Узнаю, Федя. Поэтому и говорю: ничего нет. Пусто, как на луне.

– Как так? Почему?

– Все раздала. Жду вестей. Надеюсь, что не обманут.

– А кто здесь был? Кому отдала? Что за люди такие?

– Много вас нынче, Федя, вернулось. Прямо пруды прудите. В переулках и в подворотнях – всюду ваши. Амнистия! Широкая, как старая масленица! Зашла в универмаг, а там Миша Кривой сумки режет. Пошла в кино, а там Коля Шустрый кошельки щиплет.

– Ну и дела, – сказал Нитов. – Они же не той специальности!

– А потому что нет ничего. Все кругом схвачено. Ко мне на день пятеро приходят, топчутся, грязь приносят, дымят, как в трубу заводскую. Многие не верят, сердятся. Толик Тецкий даже нож вынул, а потом извинялся. А я ему: «Обратись, Толичек, в справочное бюро, может быть, там помогут».

– Вот так дела! – повторил Нитов.

Он вспомнил, что в поезде видел много знакомых, они пили кислое дешевое вино и играли в карты. Каждый, несмотря на строгий запрет, ехал в столицу.

Глуша посоветовала ему дожидаться лучших времен.

Нитов нахмурился. Он надеялся на совершенно обратный случай.

Он думал, что получит хорошую наводку, которая осыплет его денежными знаками. И если бы он не знал жизни, то непременно растерялся бы. Но знание жизненных ситуаций научило его выдержке.

«Придумается что-то», – рассуждал Нитов, шагая по улице.

Он был голоден, как лесной зверь, но не переставал презирать суету и смеяться над унынием. Потому что его сердце, говорил он себе, не умеет сжиматься от тоски.

У него нет дома, нет постели, его не ждут к столу и никто не думает о нем, и в карманах пусто – ни табака, ни денег, – но он достанет все это.

Не позднее сегодняшнего вечера он будет хорошо устроен, вполне прилично для человека, прибывшего в столицу без средств.

Он знал сто подобных историй. «Вору хорошо устроиться – как птице сесть на ветку, – рассказывал один знакомый по прозвищу Чуга. – Я приехал в Ленинград хмурым вечером, стояла поздняя, холодная осень, ветер с моря был до того нахален, что я выругался. И вот массы граждан потекли по домам и гостиницам, а я остался на площади у вокзала. Меня никто не встречал, и гордый, неприступный город глядел на меня с ледяным равнодушием. Он не желал давать мне любви. Нет любви – нет счастья, как сказал поэт. Но что такое вор? Он сам возьмет себе все, что нужно. И я пошел и взял, синьоры. Я отправился на проспект и взял то, что мне причитается. Две интеллигентные особы и не думали сопротивляться. Напротив, они были так удивлены, увидев мой ножичек, что забывали дышать. Я поехал в одно дивное место – известный ресторан, – и через пять минут вежливый официант уточнял у меня, как приготовить бифштекс. Я заказал коньяку, икры в вазочке, кофе с мороженым. Чудесно провел вечер. А после ночной таксист умчал мою личность на Васильевский остров, где Чуга получил чрезвычайно уютное покровительство одной дамы... Будь я романтической натурой, я сочинил бы поэму о тех питерских денечках!»

Нитову нравились такие рассказы. Они учили никогда не впадать в меланхолию.

Он направлялся на Солянку, к точильщику Бецову.

Три месяца назад, когда Нитов выиграл в карты у налетчика Сомова, тот вдруг спросил: «Чем возьмешь, Федя? Деньгами или, может быть, сведениями? Что перед тобой выложить – банковские билеты или сообщение?»

Нитов подумал, что это низкая уловка или насмешка, и хотел было получить деньгами, но любопытство оказалось сильнее.

Сомов рассказал, что в Москве на Солянке живет точильщик Бецов, бывший старьевщик, и что он может навести на хорошее место. То есть дать приличную наводку.

– Бецов – очень внимательный наблюдатель, – сказал налетчик, – и поэтому знает несколько весьма зажиточных граждан и их апартаменты. Но ларец не откроется, Федя, если не произнести нужных слов.

– Говори их, и мы квиты, – сказал Нитов.

– Произнеси перед ним вот это: «Когда считаешься за испанские розы?» Сказанного будет достаточно. Бецов – мой должник. Мое имя для него все равно что молния, распарывающая ночное небо. Адская вспышка и громыхание.

...Нитов жалел, что не может поехать в такси: у него остались только две монеты.

Он поехал на трамвае. И в дороге успокаивал себя: «Ничего! Возьму наводку и продам ее сегодня же вечером. Потребую живые деньги. А уж потом найду себе другое дельце».

Добравшись до Солянки, Нитов сел на лавку и стал наблюдать. Ему очень хотелось курить. А мысли о графине водке и жирной селедке продолжали мучить его воображение.

Из-за пустого желудка весенняя прохлада с каждой минутой становилась все неприятнее. К тому же точильщика нигде не было видно.

За перекрестком присматривал милиционер в новой синей шинели, с пистолетом на боку. Пряжки его ремней красиво блестели на солнце. Понаблюдав за ним, Нитов выяснил, что это сотрудник ОРУДа и его значение здесь велико только для водителей.

– Хозяйка, а где тут можно, к примеру, коньки наточить? – спросил Нитов у проходившей мимо мамыши.

Узнав, что точильщик стоит за углом, он тихо выругался.

Не спеша, в особой воровской манере, Нитов перешел перекресток и свернул за угол.

Он появился из-за угла так, словно вышел на палубу прогулочного теплохода, где десятки любопытных женских глаз только и ждут, чтобы наброситься на всякую новую персону.

Нитов вышел к точильщику высоко держа голову, как бесстрашный маршал Ней, один из молодых маршалов Наполеона.

Нажимая на педаль своей машины, Бецов точил ножницы.

Когда-то в детстве вращающееся точильное колесо было для Феди Нитова забавным зрелищем, а теперь он думал, что скучнее – только умереть.

– Ты – Бецов? – спросил Нитов.

Точильщик положил ножницы и взял топор.

– А что надо?

– Когда считаешься за испанские розы? Пора, гаврик, и честь знать.

– Когда рассчитаюсь?

Точильщику было лет пятьдесят, но он испугался, как ребенок.

Он отошел к стене и прижал топор к груди.

– Не подходи! – отчетливо произнес Бецов. – А то топором ударю.

– Психуешь? – спросил Нитов. – Так на меня эти выходки не действуют. Мне охота должок получить. Выкладывай, иначе ночевать будешь в Язуе.

– Я уже расплатился, а вы все являетесь! Где же справедливость? Разве у воров больше нет порядка?

– А я тебе говорю, брось это кривляние. Иначе ты меня выведешь.

– Да ты выслушай, уважаемый: можно ли один должок отдавать три раза? Вчера приходили – расплатись! Два дня назад явился гражданин – с тем же заявлением. И такой нервный, что сразу нож показал. И все говорят одно и то же: «Испанские розы!» А я и тебе скажу: тот, кто первый пришел, тот с меня и получил! А больше я никому не должен.

Наконец Нитов понял точильщика.

Налетчик Сомов был мысленно проклят.

«Встречу гада, порежу! – подумал Нитов. – Всей стране рассказал, сволочь. Про эти испанские розы, верно, уже песню сложили».

– Не пузырись, Бецов, – сказал он. – Недоразумения даже на луне случаются – оттого она вся в пятнах. Твой дружок за это ответит. А со мной будь повежливей. Выкладывай что-нибудь, и я гарантирую хороший процент от выручки.

– Нет ничего.

– Ты что, сука, моему благородному слову не веришь?

– Я уже все отдал, уважаемый. Теперь вот трясусь от страха. Если у тех смельчаков не выйдет, конец Ефрему Бецову! Придут за мной и поведут по родной улице... А если выйдет, то обманут! И опять Бецов примет страдание. Очень прошу, уходи. Иначе татарин, продавец семечек, тебя запомнит. Вон он, на той стороне, на стуле сидит. Между прочим, с милицейскими сотрудничает.

Нитов осторожно поглядел через улицу на татарина.

– Хорошо, – сказал он. – Пока что я тебе верю. Но учти, Бецов: узнаю, что кому-то все-таки повезло и ты дал наводочку, – разыщу и в ступе истолку. И не в песок, а в пыль. А пока точи свое железо.

Нитов произнес эти слова, следуя правилу: «Человека, который боится, надо пугать». После этого следовало немного подождать.

Не торопясь он вынул носовой платок, раскрыл его и сложил снова.

– Не знаю, можно ли считать это делом, – неохотно произнес Бецов. – На улице Володарского живет некто Тарас Бурис, заведующий конторой. А контора та находится на торговой базе. Так вот, когда один человек приходил к Бурису чинить проводку, он видел много хороших вещей. Старый шкаф с книгами, а за шкафом – рулоны мануфактуры. Богатая мануфактура, солидная – драп, бостон, венгерский плюш. Похожий товар спрятан и в других местах. Но надолго ли? Вот в чем коварный вопрос.

Нитов вообразил, что это удача посылает ему дружескую улыбку, и спросил:

– Сколько людей живет в квартире?

– Пятеро. Но днем остаются только двое. Старики Буриса.

– Адрес.

Бецов поджал губы.

– Не обижу, – сказал Нитов. – Говори адрес. Если дело серьезное – получишь десять процентов.

– Такое хорошее дело половины стоит. Если мануфактуру не перепрятали и не увезли, деньги с нее ручьями потекут.

– Что же ты, сволочь, сам не пойдешь?

– Я не умею так ловко, как ваши. Так лихо не умею. У меня нервы слабые.

– Тогда осваивай тульскую трехрядную гармошку.

– Хотя бы сорок процентов.

– У тебя паршивый характер, – сказал Нитов. – Спорить будешь в петле на эшафоте, а не у меня. Говори адрес, иначе я сам узнаю.

Бецов тихо назвал дом и номер квартиры.

– Папиросы есть? – спросил Нитов.

– У меня порок сердца.

– У тебя порок головы, Бецов. Жди вестей. Про испанские розы забудь, бей топором всякого, кто о них спросит. И помни Федора Нитова, каждый день молча повторяй это имя.

– Это ты – Федор Нитов?

Нитов перешел улицу, светясь от удовольствия.

Ему чудился огромный стеклянный кувшин, наполненный янтарным пивом, большой кусок холодной говядины, намазанный свежей горчицей, и краюха еще теплого хлеба.

От избытка слюны он встряхивал головой. А Бецов навсегда выпал из его головы, словно растворился в воздухе. Перестал существовать в окружающем мире.

«Продам наводочку и закачусь в парильню, – думал Нитов. – Давно уже веники березовые моей спины просят. Выпью «Мартовского» пива. А после выпью водочки и буду есть часа два, не меньше».

Неожиданно ему захотелось самому отправиться к Тарасу Бурису.

«А что? – рассуждал Нитов. – Найду помощника. Зайдем в квартиру, положим старичков на полу, свяжем, устроим ревизию... Понадобятся инструменты. Понадобится автомобиль. Что искать удачи, если она сама идет?»

Нитов остановился, представляя налет на квартиру.

Он квалифицированный вор и знает, как нужно действовать. Все рассчитает до мелочей. Неожиданность – половина успеха. Молниеносность – вторая половина. И азарт. Азарт.

– Однако нужны подъемные, – задумчиво произнес Нитов. – Нужен хороший шпалер, ствол. Отмычки. Нужны ломы, чтобы вскрывать полы.

Нитов стоял в переулке и неслышно произносил эту приятную для его сердца речь.

Он думал о воровском кредите.

«Кто сейчас дает деньги под дело? – спросил себя Нитов. – Были такие люди, а где они теперь?»

Он уже шагал вверх по переулку.

2

В его памяти вертелся образ безукоризненного кредитора, одноногого старика по фамилии Штукин. Он ходил на деревянной ноге и в некотором смысле был знаменитостью в преступном мире.

Знаменитым его сделали романы о воровской удаче, рассказываемые в тюремных бараках.

«После успешной гастроли я посетил столицу – не мог обойтись без рубленых котлет ресторана «Бега», – рассказывал вор по прозвищу Рубль. – Но сначала нанес визит Штукину – заплатил по счету, как того требует воровская гордость».

Подробности этой встречи Рубль передавал с большим удовольствием: «Штукин, как известно, никого не узнает, кроме тех, кого не узнать невозможно... Его ворчание театральные деятели признали бы за крупный талант. «Что такое? В чем дело? Вы меня с кем-то путаете! Не дают пенсионеру спокойно впитывать солнечные лучи! Идите куда шли, гражданин, я кроме своего ревматизма и деревянной ноги ничем не интересуюсь!» – обыкновенное бормотание Штукина. Но когда Штукин видит перед собой наших – все вокруг играет в цвет... «Ах, это ты, Рубль? Видно не зря я видел сон нынче – будто сыплются мне на голову золотые монеты». Я вынул деньги, и Штукин бросился потирать свои дамские, антикварные руки».

Нитов шел к кредитору.

Он был уже много времени без папирос и решительно вглядывался в прохожих, ища подходящего курильщика.

Гражданин в новой шляпе с черной атласной лентой оказался иностранцем.

– Забыл, понимаете ли, свой портсигар в такси! – сказал Нитов, ухмыляясь. – А вы такой складный экземпляр... То есть не могу найти тут магазин или палатку. Одолжите закурить!

Иностранец понял его слова и протянул коробку сигарет.

Нитов хотел взять пару, но вспомнил, что вот уже полгода требует от себя поступать, как Жора-Ермак – никогда ничего не просить дважды.

«Умрет, а второй раз никогда не попросит, – говорили о Жоре-Ермаке. – Особенный человек. Не просит, а только требует».

Нитов выкурил заграничную сигарету в два вдоха.

Она не принесла ему облегчения. Однако он выдержал форму – не попросил второй раз, из воровской гордости.

Добравшись до улицы Кирова, Нитов остановился перед витриной бакалейного магазина. В левом углу работал буфет. Там тонко нарезали любительскую колбасу и наливали водку в маленькие стограммовые стаканчики.

«Если Штукин жив и дает деньги, зайду сюда, – подумал Нитов. – Закажу водки и колбасы любительской. Если подадут сосиски, закажу две порции с горчицей. Куплю самых дорогих папирос».

Он вошел во двор, надеясь на удачу.

Две старухи, закутанные в шали, сидящие на темной, грубой лавке, даже не взглянули на него.

Нитов подумал, что они ненавидят нынешнюю жизнь, потому что помнят другую, при императоре. Маленькими, они с поклоном принимали подарки от родителей – князей или графов. Их любили и баловали. У их были няни и прислуга. Теперь они сидят совершенно неподвижно в убогом весеннем дворе и не желают даже глядеть на прохожих.

Нитов не стал спрашивать про Штукина у старух, а вошел в подъезд и поднялся на второй этаж. Позвонил три раза.

За дверью спросили: «Чего надо?» И добавили: «Никого не жду. Уходите, не беспокойте инвалида! Все равно не открою».

– Это я – Нитов. Ехал мимо и думал: а не выпить ли мне коньяку с королем эфиопским Штукиным? Ведь у меня сегодня день рождения. Открой, дед. Промочим горло, закусим. Да я дальше поеду.

Ему сейчас же открыли.

– Это ты, Федя? – спросил грузный, но аккуратный старик в вязаной шапочке. – Как ты обо мне вспомнил? Проходи, сокол. Рад приятной встрече.

В комнате Штукина все было по-прежнему. На кожаном диване дремал кот. В углу – кресло-качалка. На столе – самовар. Портрет Штукина, огромных размеров, написанный сорок лет назад, был словно вторым жильцом. Упитанный, тщательно причесанный человек в пальто с английским воротником и в перчатках, облокотившись на рояль, нахально смотрел прямо в глаза.

«Сытая, довольная рожа», – подумал Нитов, глядя на портрет.

– Чего ждешь, Феденька? Наливай! – сказал Штукин.

– Свертки и кульки на улице, в такси, – сказал Нитов. – Я же не знал, что ты еще жив. Сейчас пойду, принесу. Но сначала два слова о деле.

– Ах, я верблюду! Два горба, а мозгов ни в одном нету! Про день рождения тоже выдумал?

– К чему эта суета, Аристарх? Через минуту будем пить и звенеть, как две цыганские гитары. Зачем эти дерганья? Лучше послушай, что я скажу. Есть великолепное дело, такое удивительно красивое, как весна. И какое верное! А ведь ты меня знаешь: если я говорю, то каждое мое слово весит, как волжский пароход с пассажирами. Нужно только немного подняться. Беру помощника, а он чист, как молодой лист – в смысле денежных знаков. Нет ни одной монеты. А мне нужен инструмент и прочее. Куда же заглянуть, как не к тебе?

Штукин равнодушно выслушал эту речь.

– Зря пришел, Федя, – сказал он. – Нынче время такое, что я никакого подъема не оказываю. Перспективы слишком туманные. Поэтому никому – ничего. Такое у меня теперь расписание. Извини, сокол, иди себе, куда шел.

– Я всегда знал, с кем имею дело, – сказал Нитов. – Ты, Аристарх, не человек, а цунами. Такую волну гонишь – всем захлебнуться. Но я-то знаю, чего твое сердце просит. От меня не скроешь.

– Напиши эти стихи на заборе, Федя, а мне наплевать. Мое дело – пить настойки, читать газеты. Слушать сообщения правительства. А про то, чего мое сердце просит, ты знать не можешь.

– Могу, дед. Сердце твое денежки любит, твердые советские рубли. И я тебе говорю: будет прибыль. Я тебе в твой самый большой карман насыплю. Обрадуешься!

Штукин смотрел в окно и молчал.

– Я много не спрашиваю, – сказал Нитов. – Две тысячи на мелкие расходы.

– Лечись, Федя, курортными водами. Я таких денег давно не держу. Когда объявили амнистию, в городе словно все карусели сломались – всюду появились обиженные ребяташки. Кто с ножом, кто с наганом. Злые, как крабы. Их горстями гребут, а они все прибывают. Ко мне уже пятеро приходили. Это на той неделе. А на этой – трое. Теперь ты пришел. И тоже говоришь про верное дело!

Стуча деревянной ногой, Штукин подошел к двери и распахнул ее.

– Ищи удачу в другом месте, Федя, а мне пора ставить горчичники.

– Положи тысячу.

– Нет.

– Пятьсот.

– Что? Мне послышалось? Ты сказал: пятьсот? Это же два раза пообедать!

Нитов пожалел, что позволил себе спросить так мало.

Он стал думать, как выкрутиться.

– Пойми, старик, мое положение. Что я скажу, когда меня спросят? Штукин Федю Нитова не признал! Вот история! Штукин Федю Нитова принял за гаврика! Что обо мне подумают? А о тебе что подумают? Если бы я знал, что ты скурвился, промчался бы мимо на своей лихой тройке.

Улыбаясь, Штукин закрыл дверь.

Деревянная нога снова застучала по полу.

Приняв грузное тело, заскрипел кожаный диван.

– Я не скурвился, Феденька. Ты слюной брызгай на правительство. Это оно затеяло амнистию – подарок уголовному элементу. А что получилось? В городе сейчас ваших больше, чем пионеров. И все ищут дело. А откуда же они его возьмут, если все уже давно схвачено? Нет, ты мне скажи. Ответь, сокол.

– Мне до остальных нет печали.

– Нету хорошего дела.

– Есть, Аристарх.

– Нету, нету.

– Мануфактура. Бостон, венгерский плюш, драп. Роскошные слова! Столичные пажоны их во сне повторяют.

Штукин перестал теревить ухо.

– Это красиво, Федя, но это – звуки. Ваши ребята столицу через сито просеяли. Не верю, что есть такое дело.

– Это потому, что ты скурвился. Но смотри! Тебе еще жить. Ведь не завтра ты помрешь, верно? Скоро о тебе обратная слава пойдет. Скажут: «Был Штукин, король эфиопский, а теперь пустое место!»

– Не груби, Феденька.

– Какое падение нравов!

– Мальчик разозлился. Не злись, Федя.

– Курва. Что скажет Жора-Ермак, когда узнает? Это, скажет, жалкая комедия.

– Жоре хорошо. Он курит дорогой табак. Носит новенькие перчатки. Дамы ему вышивают вензеля. К нему приходят только красивые сны, а ко мне – ваши ребята, да все нервные.

– Грустный конец, Аристарх. Был человек, а стал курва. Прощай и писем не пиши. Ты почти рассеялся в моих воспоминаниях.

Нитов знал, что теперь нужно немного помедлить – не больше минуты.

Для этого он поставил ногу на стул и перевязал шнурок ботинка.

Штукин, глядя на это, усмехнулся.

– Не лепи, Федя. Я сам был когда-то артистическая натура. Иди в пивную возле прудов и жди там. Но только учти: процент не тот, что раньше. Даю две тысячи, а принесешь три с половиной.

– Это фраерский процент. Ты давай человеческий, в цвет.

– Время такое настало, Федя. Так было и сразу после войны, помнишь? Трудно было, очень трудно. Мне тогда часто снились неприятные сцены. И теперь снятся.

– Я не в пивную пойду, а в буфет в бакалейном, – сказал Нитов.

– Нет, иди в пивную.

Нитов молча вышел.

...Войдя в пивную, он сразу заметил знакомые лица.

Злые и внимательные глаза кинулись разглядывать его через весь зал и сквозь ватные клубы дыма. Они оценивали и сравнивали. При этом знакомые улыбались.

Нитов вернулся на улицу и пошел навстречу Штукину.

– Что, Феденька? Неужели мест нет? – просил Штукин.

Он показывал тростью куда-то вперед.

– Там Коля Лихач и еще кое-кто, – ответил Нитов. – Они сразу нарисуют себе всю подлинную картину. Давай здесь разбежимся.

Штукин сунул Нитову бумажный сверток.

– А как же выпить за день рождения, сокол?

– Ты мне испортил настроение, – сказал Нитов. – Завтра пришло. Выпьешь за мое здоровье.

– Пришли коньяку, как обещал, а не водки.

Нитов зашагал прочь.

Он трогал в кармане сверток с деньгами и воображал, как закурит хорошую и крепкую папиросу. В буфете закажет пива и водки. Сосисок с горошком. Если будет холодец с хреном, закажет и холодца.

В буфете было немногочленно. Ни одного знакомого. Нитову это понравилось. Двое военных пили пиво. Нитов купил пива, сосисок и коробку папирос. Буфетчица подала ему тарелку с хлебом.

Он выпил кружку до дна и закурил.

Приятно закружилась голова.

Он купил водки, любительской колбасы, спросил горчицы. Еда исчезала так быстро, словно это снег таял на солнце.

Облокотившись на стол, Нитов закурил третью папиросу.

«Как поднимусь – найду красивую бабу, хозяйку сердца, – думал вор. – Буду лежать на ее диване и читать газеты. Пойду с ней в ресторан. Закажу осетрины, икры, шампанского, шоколадных эклеров, мороженого, какао. Куплю корзину роз. Шик – он как северное сияние – оглушает на месте. Сошью себе пальто, как у того иностранца в шляпе. Только бы дело было верное!»

Нитову захотелось как можно скорее заняться квартирой Тараса Бурыса.

Он стал думать о первых шагах.

Сначала он наймет молодого, начинающего вора следить за Бурысом и выяснит, когда тот выходит из дома и когда возвращается, и что вносят в дом и выносят.

Затем найдет помощника, опытного налетчика.

Нитов купил еще водки, выпил и улыбнулся, припомнив выражение: «Человеку нельзя без мечты».

Он любил свою мечту, и ему нравилось думать, что пусть он хотя и медленно, но движется в ее направлении.

Он мечтает стать аристократом преступного мира, медвежатником, взломщиком сейфов. Эти люди никогда не суетятся. Они холодны и невозмутимы. Ни объяснений, ни оправданий. Этого они просто не умеют.

Каждый из них всегда элегантно одет и «только что от портного». Их почитают даже милицейские чины: с гордостью рассказывают молодому поколению о своем «аристократическом» знакомстве.

В тюремных стенах эти люди пожидают еще большую славу. Каждое мгновение – им уважение.

«Как только поднимусь, брошу налеты и начну изучать сейфы», – сказал себе Нитов.

После этих приятных мыслей он подумал о ночлеге.

Теперь, когда у него есть деньги, он отправится на Шаболовку. Там живет Паклинский-Дулич по прозвищу Пакля, скупщик краденого. За четыреста рублей он устроит к своей сестре Агафье, торговке.

Агафья зажарит яичницу, принесет прохладного пива, подаст блинов с маслом. Так было в прошлый раз. Красиво.

Нитов вышел на улицу и снова обрадовался весне.

...Очувтившись у дома Пакли, он стал глядеть по сторонам. Улица, пустынная и унылая, нисколько не изменилась: повсюду по-прежнему невысокие темные строения, в один и два этажа.

Неожиданно из паклинской двери появился знакомый. Это был Шпунс, карлик, тонкий человечек с телом ребенка-школьника, с вытянутыми ногами и руками, с пухлым и недовольным лицом.

– И ты здесь? – спросил Нитов.

– А что, Федя, здороваться необязательно? Я тебе что – гаврик? Или ты так поднялся, что не дотянуться?

– Приятная встреча, – сказал Нитов. – А я слышал, ты на Печоре – гнешь свою десятку.

– Амнистия, – сказал Шпунс. – Иначе и твоя десятка была бы при тебе.

Нитову не хотелось стоять на улице и разговаривать с налетчиком. Если бы это был аристократ, медвежатник, он простоял бы здесь сколько угодно. Но Шпунс был обыкновенный вор.

– Послушай совета, Нитов, не иди туда, – сказал вдруг Шпунс. – Там наших, как клопов под рейкой. Дышать нечем. Пятеро на одной лавке сидят. Я сам в углу сплю. Ужас.

Нитов поразился услышанному.

Он держал в памяти адрес Пакли как название порядочной гостиницы.

– А кто там? – спросил Нитов. – Что за люди?

– Все смешалось, Федя. Там и скокари, и шипачи, и фармазоны. Вавилон! Никогда такого не было.

– Мало ли у Феди Нитова хороших мест в столице! Через час буду лежать на бархатном диване, кушать бисквит и слушать канареек.

– Многие сейчас живут воспоминаниями. Одни идут к Глуше и страшно удивляются, когда она их заворачивает. Другие прут к Штукину и тоже психуют. И ни те, ни другие не понимают, что амнистия пришла не только за их душами.

Шпунс сердито сжимал и разжимал детские кулачки.

– В городе тесно, как в сортире! – выкрикнул он. – Приличному вору не повернуться. Как быть, я тебя спрашиваю?

– Нервный ты стал, Шпунс, после Печоры.

Нитов вынул папиросы и ловко распахнул перед Шпунсом коробку.

– Шикарные куришь, – сказал Шпунс. – Это хорошо. А куда пойдешь? Я тебе дам совет. Иди к Бутлеру. Да, да, не удивляйся. О нем сейчас мало кто говорит. Все думают, что он умер.

А я его видел – давеча на базаре. Идет себе, довольный, сытый, и пальто на нем драповое. Я бы и сам пошел, да у меня с Бутлером когда-то стычка вышла.

Длинная папироса в руке Шпунса выглядела бревном.

О стычке с крепким, рослым человеком он сказал с пренебрежением.

– Я подумаю, – сказал Нитов.

– А может быть, у тебя наклюнулось дело? Если нужен второй номер, возьми меня, Федя, не прогадаешь.

Нитов улыбнулся.

– У меня все номера первые, – сказал он. – Но я буду иметь в виду, Шпунс.

Он пошел по улице, зная, что Шпунс пристально смотрит ему в спину. Из-за этого он не торопился и делал только уверенные шаги.

Однако ему очень не понравилось то, что он услышал.

«Пятеро на одной лавке! – думал Нитов. – Что за времена такие? Почему так? Что будет дальше?»

Он вспомнил Николая Бутлера, мошенника, сбывавшего в победном сорок пятом году стекло под бриллианты и латунь под золото. Однажды Бутлеру не повезло – он случайно встретился в коммерческом ресторане с одной из своих жертв и в него выстрелили из револьвера.

Выписавшись из больницы, Бутлер бросил прежнее ремесло и занялся наводками.

Два года назад он куда-то исчез. Кто-то сказал, что он выпил отравленного вина и умер. Нитов слышал об этом в тюремном бараке.

Поверив Шпунсу, он поехал на Ордынку.

3

Улицы погрузились в вечернюю мглу. Стало холодно. Под ногами захрустел лед.

На Ордынке Нитов вошел в магазин и купил водки и колбасы. Еще купил папирос, пряников и конфет к чаю.

Он вошел во двор, где жил когда-то Бутлер, поглядел на окна на третьем этаже и разочарованно сплюнул. Там было темно. Но ругать Шпунса не было причины. Маленький человек ничего не утверждал, он видел лишь, что Бутлер жив и носит хорошее пальто.

Бутлер мог быть в кино или в бане. Он мог быть в гостях и в ресторане.

Нитов чувствовал, как холод забирается ему под одежду.

«Пойти, что ли, подождать на лестнице? – озадаченно подумал он. – Но эта сволочь может не вернуться ни сегодня, ни через неделю».

Нитов пошел назад, к магазину, и вдруг увидел идущего навстречу Бутлера с какой-то дамой.

Улицу освещали тусклые фонари, но все же Нитов узнал бывшего фармазона.

– Какие, однако, персоны ходят по улице! – сказал он так громко, что на него нельзя было не взглянуть. – Знакомые лица!

Бутлер остановился и нахмурился, но тут же улыбнулся, а его спутница продолжала глядеть перед собой.

– Привет жителям героического севера, – спокойно сказал Бутлер. – Нитов на фоне столы!

Нитову было приятно.

– Таковую встречу словами не отметишь, – сказал он. – Пойдем, выпьем водочки. Дама, конечно, не против?

– Это моя сестра. Она слепая.

– Сестре – конфет и пряников.

– Пригласи знакомого к нам домой, – сказала женщина, не поворачивая головы.

Бутлер немного подумал.

– Да? А что, приглашаю! – сказал он. – Пойдем, Федя, закусим. Но только никаких разговоров о прошлом. Я теперь служу в метрострое. Доставляю материалы. Изоляционный кабель в катушках. Ты знаешь, с какой скоростью идет поезд под землей?

– Я знаю только, что на ночь лучше слушать сказочные романы. Чтобы снились голубые и розовые сны.

Они пришли в квартиру Бутлера, пропитанную запахами пыли и копоти. Он жил в самой дальней комнате. В других комнатах жили старые люди.

Сестра Бутлера поджарила на сковороде колбасы. Нарезала хлеба, заварила чаю.

– Видал? – спросил Бутлер. – Все делает в кромешной темноте. Вечная ночь! Пойду, принесу стаканы.

– Он мне не брат, а я ему не сестра, – сказала женщина, когда Бутлер вышел. – Этот человек сумасшедший. Он думает, что я ангел и должна спасти его душу. Он меня не отпускает. Он уголовник. Ни в каком метрострое не служит. Помогите мне, вступитесь за меня, отвезите на вокзал и посадите в поезд, я хочу уехать в Белгород. Я вам оттуда вышлю деньги за ваши хлопоты. Клянусь.

Нитову было все равно. Он почти не слушал женщину.

Услышав шаги, она встала со стула и пересела на кровать.

Бутлер принес стаканы, тут же налил водки и быстро выпил, не говоря ни слова.

Нитов выпил свою водку медленно, как подобает уважающему себя вору.

– Хорошо! – сказал Бутлер. – А почему молчим? Нужно говорить о радостях жизни.

Он налил еще.

Нитов стал есть колбасу.

Бутлер, довольный и улыбающийся, раскачивался на стуле.

– Ты слышал о моем приключении, Федя? – спросил он. – Это было в Ленинграде, в «Англетере». Я пришел туда с дамой сердца. Имел при себе сто тысяч. Пачки лежали в саквояже. Даму звали Карина Чернوبرова, и она так и выглядела: карие глаза, а брови, как угли. Губы – как яркие вишни. Все время улыбалась. Не выносила табачный дым, пила только сладкое вино, какао, а пирожные предпочитала только с кремом. Я покупал ей цветы три раза в день. Вечером она меня отравила... Представь себе, я умер. Я лежал на кровати, раскидав руки, совершенно без дыхания, а она неторопливо пересчитывала деньги и укладывала их в чемодан. Я видел это сверху, потому что парил под потолком. Очень странное явление... Потом один старичок, трамвайный кондуктор, сказал, что это моя душа вышла из тела. Я видел, Федя, как эта хладнокровная особа выворачивает мои карманы. Вынула все, забрала даже папиросы и спички. Сняла часы. Заглянула в рот – нет ли золота. Перед уходом она кому-то позвонила: «Дело сделано, мой серебряный. Жди свою кралю». И ушла.

Нитов слышал эту историю Бутлера от других людей, но ничего не говорил. Ему рассказывали, что Бутлера отвезли на кладбище.

– Как же ты ожил? – только спросил он.

Бутлер улыбался.

Он выпил еще водки и закурил. Дым сильной струей вырвался из его крепкого рта и ударился об стену.

– Старичок, трамвайный кондуктор, предположил, что я еще не прошел свой жизненный путь. Явилась горничная и увидела меня мертвого. А в соседнем номере жил докторишка. Он давил мне на грудь. Он взбивал мою грудь, как тесто. Сделал укол прямо в сердце. И я упал с потолка на кровать. Открыл глаза и сказал: «Я все видел!»

– Вот история, – равнодушно сказал Нитов.

Ему нравилось слушать лишь про королей и принцев – какие интриги они плетут в своих замках и какие подлые нападения устраивают под покровом ночи.

– Но ты не знаешь главного, Нитов, – сказал Бутлер. – Давай выпьем, и я скажу самое важное.

Они выпили и закусили колбасой.

– Человеку, если он хочет жить долго, нужен ангел, Федя. Я два раза глупо умирал, но больше этого не случится. Теперь у Коли Бутлера имеется то, что его стережет.

– Ну да?

– Среди людей живут ангелы. Это женщины, но только особенные. У них золотистые волосы и белая кожа.

Нитов взглянул на слепую. Только сейчас он обратил внимание, что она белокурая, и кожа у нее белая.

– Понятно, – сказал он. – Я таких ангелов видел связками. В ресторанах, с лихими ребятами. У Жиги Насонова были сразу два таких ангела.

– Смеешься?

– И не думал.

– Смотри, Нитов, я тебя, как апельсин надрежу и очищу.

Нитов от удивления выпучил глаза.

– Ты кому это сказал – мне?

– Тебе, кому же еще.

Нитов поднялся с места.

– А ну, идем в коридор, потолкуем, – грозно проговорил он.

– Пойдем. Но сначала выпьем.

Бутлер встал и разлил остатки водки.

Неожиданно он резко повернулся и ударил своего гостя в челюсть.

Сильный удар швырнул Нитова к стене. Он стукнулся головой и прикусил щеку.

В одно мгновение он вскочил на ноги и схватил стул, но тут же шархнулся назад, увидев у Бутлера револьвер.

– Чего погрузнел, Федя? – спросил Бутлер.

– Убери шпалер. Я тебя, суку, руками разорву.

– Ну? А что, давай поглядим, как это выйдет.

Попятившись, Бутлер положил револьвер на шкаф.

Нитов сделал шаг вперед.

Он был зол и чувствовал, как сила из плеч и груди течет по его рукам и накапливается в кулаках.

– Живыми отсюда выйдут не все, – усмехаясь, сказал Бутлер.

Нитов опустил плечи, собираясь броситься на обидчика.

Внезапно слепая женщина вскочила с кровати.

– Отпусти этого человека, Николай! – закричала она. – Дай ему уйти! Иначе тебе не поможет даже ангел!

Бутлер изменился в лице и схватил со шкафа револьвер.

Нитов, глядя на оружие, медлил.

– Так и быть, я тебя отпускаю, – сказал Бутлер. – Не стану квасить в бочке. Иди отсюда. Даю минуту. Иначе пулей вышибу тебе все зубы.

– Мы еще встретимся, – сказал Нитов, надевая пальто.

Он вышел на улицу и стал рубить ладонью воздух.

От досады он плевался и встряхивал головой.

Он жалел, что не схватил со стола нож и не бросился с ним на Бутлера, когда тот был без нагана. Он мог бы всадить нож ему в печень. Бутлер, скорее всего, уже не поднялся бы.

Нитов шел по улице, сконфуженный мыслями о том, что однажды об этом происшествии узнает Жора-Ермак и другие известные личности. Если Жора-Ермак засмеется, то и все остальные поднимут Нитова на смех.

«Приду завтра и порежу Бутлера, – подумал Нитов. – Или пришлю кого-нибудь».

Он вдруг вспомнил, что наступает ночь.

Было морозно.

В его памяти нашелся адрес мелкого скупщика по фамилии Рогов. Он жил за Павелецким вокзалом, в переулке.

Комната барыги пыльная и закопченная, зато в тихом углу за ширмой стоит широкая купеческая кровать. На ней приятно лежать и курить. Мысли текут тоже приятные. Приличному вору в подобном месте можно оставаться недолго, три дня. Но этого времени как раз хватит, чтобы найти другое подходящее место.

– Эй, морячок, – спросил Нитов какого-то парня в военной форме, – метро еще открыто?

– Еще сорок минут будет открыто. А я не моряк, а артиллерист.

– Ты еще многого о себе не знаешь, – пошутил Нитов.

Так шутили в тюремных бараках.

4

Он подошел к низкому дому, где жил Рогов, постучал в окно.

За дверью послышались шаги.

– Хозяева, краска для полов нужна? Свежая, только с завода, – сказал Нитов.

Это был пароль.

Дверь открылась, и он увидел Рогова.

Скупщик располнел, глаза его тоже изменились – они излучали еще большую жадность.

Впустив Нитова, он с удивлением стал глядеть на его пустые руки.

– Сам пришел? – проговорил он. – А почему не прислал человека? А вещи где?

– В гостинице. В номере класса «люкс».

– А ко мне зачем?

– Океан вопросов. Я могу утонуть при такой волне.

Рогов недовольно засопел.

Нитов вынул сто рублей.

Он протянул их, держа между пальцами. При этом он глядел в сторону, пребывая в «красивой задумчивости». Как всякий опытный вор, он умел показать легкомысленное отношение к жизни, к каждому моменту.

Так держали себя приличные вору перед мелкими скупщиками.

– Останусь до утра или до обеда, – сказал Нитов. – Стаканы прошу подавать мытые.

Не дожидаясь ответа, Нитов прошел в комнату и сел на стул.

Зажигая папиросу, он покачал головой.

– Какая дикая обстановка, Рогов. Где линза, телевизор? Уважающие себя люди приобретают этот предмет сейчас вперед хлебницы.

– Мне и под радио хорошо живется.

– Ну, стели постель гостю. Буду спать здесь, за ширмой. Нынче я устал, дел было много.

Встречи, разговоры. На цветы даме потратил состояние.

– А чего у нее не осталось?

– Любит меня сильно, а мне это в меланхолию. И потом, я еще не выбрал, какая из них мне больше нравится – брюнетка или шатенка. Ведь их две, а я, Федя Нитов, один.

Рогов ничего не ответил.

Сколько мог, он скрывал свое любопытство, но все же не выдержал.

– Я думаю, Федя, ты пришел не просто так. А по делу.

– А ты не такой чугунный, как кажешься. Разбогатеть хочешь через Федю? Это верно, можешь разбогатеть. Но об этом – завтра.

Нитов знал, что его слова понравятся хозяину дома.

Рогов бросился стелить постель. Принес Нитову войлочные домашние туфли. Поставил на стол графин с водой. Вымыл и вытер пепельницу. И терпеливо стал слушать гостя.

– Как, однако, странно, Рогов. Я почему-то совершенно не озабочен работой американского конгресса, в частности по поводу очередной поправки к конституции. Больше думаю о побережье Черного моря и чашечке кофе в бистро. Я – в летнем костюме и с роскошной брюнеткой. На рейде – океанские лайнеры. На их палубах – соль далеких морей. В трюмах – хлопок, кофе и лакированные автомобили. Жизнь – это открытка с видами, у одних она простая и тусклая, у других – как афиша Лотрека, парижского неудачника и гения.

Нитов повторил слово в слово то, что слышал от другого вора.

Это была «музыка» – лихо закрученная, артистическая речь.

Кто такой Лотрек, Нитов не знал, но ему было все равно. Речь имела прямое назначение – поддерживать в Рогове уважение к воровскому куражу и шику.

Нитов лежал на купеческой кровати и курил.

– Спокойной ночи, Федя, – послышался голос Рогова. – Ты уж про меня не забудь, когда по делам отправишься.

Нитову был отвратителен этот барыга. Если бы он мог, он разговаривал бы с ним по-другому. Как с лагерным штымпом.

Он потушил папиросу и уснул.

Утром его разбудил неприятный запах.

Это Рогов поджарил картофель на старом сале и приготовился завтракать.

– Благоухание, как в аду, – проговорил Нитов, выходя из-за ширмы.

Он едва сдерживался. Ему хотелось ударить ногой по старой, закопченной сковороде – чтобы она описала в воздухе какую-нибудь фигуру и вылетела в окно.

– Ты с ума сошел, сын джунглей, – сказал Нитов. – На завтрак ешь падаль зебры. Что за воспитание?

И снова это были чужие слова.

– Картошечка на сале, Феденька. Уважаемое блюдо. Я и на твою долю пожарил. Садись, благодетель.

– Предпочитаю кофе с ложечкой коньяку.

Рогов насутился.

Нитов подумал, что ужасный запах может стать причиной отвода барыги.

– Нет, ты меня страшно расстроил, – сказал он. – Что за козни? К тебе является человек – говорить о деле, а у тебя аромат мертвечины. Какая идиотская выходка.

Нитову очень нравилась роль аристократа. Некоторые воры годами жили в этой роли, как в благоустроенной квартире, если рядом не появлялся Жора-Ермак или подобные ему фигуры, которые и сами были аристократами.

– Что же делать, Федя? – сказал Рогов. – Ведь это такая еда.

– Какие глупые дети играют в саду. Сломали вековой дуб. Нет, я не могу здесь оставаться. Прощай, чудище.

Рогов вскочил.

– погоди, Федя! Зачем сердиться? Все будет по-твоему.

Он унес сковороду, и на столе появились стаканы с чаем, белый хлеб и сахар.

– Намекни, Феденька, на что мне рассчитывать, – попросил Рогов. – Ты человек серьезный, решительный, и дело у тебя, должно быть, большое, как солнце.

– Мануфактура: драп, венгерский плюш, бостон.

Рогов присвистнул.

– А когда, отец родной, ждать вестей?

– Опять Индийский океан вопросов?

– Молчу, Федя. Только ты знай: приму все, каждую штуку мануфактуры. Все до сантиметра. Плачу сразу. Решительно.

– Я подумаю.

Рогову это понравилось. Его жадные глаза забегали. Зачесались руки.

Нитов уже знал, как получить назад свои сто рублей.

– А как записать твоё оскорбление? – спросил он. – Ведь если рассказать известным людям, они страшно удивятся. Спросят: «Этот проказник ещё жив?» И непременно спросят, за что я положил тебе сто серебряных гульденов. Или, может быть, ты себя человеком считаешь? И мы с тобой равны?

– Что ты, Федя! Ты – личность, фигура. А я кто? Мелочь. Так, беру у людей вещички... Куда мне до ваших!

Рогов принес деньги и положил на стол.

Нитов сунул их в карман.

– Пойду, позавтракаю в «Национале», – сказал он. – Масло розочкой, жаром пышущие булочки, густой, раскаленный кофе с рюмочкой эlegantного ликера – без этого утро для Феди Нитова не утро.

Это тоже была выученная наизусть «музыка».

Нитов никогда не был в «Национале» и никогда не пил раскаленный кофе даже без ликера.

– На то вы и персоны, чтобы завтракать в роскошных гостиницах, – сказал Рогов.

Нитов думал о том, что уже не вернется сюда, а найдет другое место.

Он отправился в буфет Павелецкого вокзала и купил себе двойную яичницу с колбасой и пива.

Размышляя о Буресе, он говорил себе, что удача совсем близко. Еще немного – и она коснется его кончиками своих изящных пальцев.

Ему не терпелось заняться делом.

Он поехал на улицу Володарского, чтобы взглянуть на место и составить план действий.

Очувтившись перед домом Бурсы, Нитов стал рисовать в своем воображении схему налета. В деле участвуют три человека. Двое устраивают налет на квартиру. Третий ждет за рулем автомобиля.

Перед домом нет детской площадки, и это очень хорошо.

Двор не глухой, а открытый. И это тоже большая удача.

Нитов поглядел на окна третьего этажа. Там никто не мелькал, никто не трогал занавески, на подоконнике – никаких крупных предметов.

В его голове зазвучала мелодия, аргентинское танго. Эту музыку он слышал в вагоне поезда по радиоприемнику. Если бы он знал слова, он запел бы. Ему было весело.

Он закурил папиросу, и вдруг кто-то неслышно прошелся рядом с ним, легко коснувшись его одежды.

Нитов быстро повернулся.

Перед ним стоял молодой вор в широкой футбольной кепке. Он был так молод, что походил на подростка. И все же он был не просто молодой житель столицы.

– Мое почтение, – сказал парень. – Такое дело, что с тобой хотят говорить. Вон за тем домом. Там ждут люди. Сказали: «Передай, что возникли некоторые острые вопросы».

Молодой вор дружески улыбался.

Нитов пошел за ним, догадываясь, что это приглашение означает, скорее всего, встречу со знакомыми.

За углом дома у стены стояли сосредоточенные личности в мрачных пальто и кепках. Шарфы, накрученные на особый манер на короткие, толстые шеи, были по-дамски узкими и тонкими, по «воровскому фасону». Поднятые воротники. Дорогие папиросы.

Их было трое, и Нитов знал всех троих.

– Гляжу в подзорную трубу и вижу: одинокий парус бродит в пустынном море, – сказал один вор, которого звали Толокай. – Какую удачу он ищет на просторе судьбы? А это, оказывается, Федя Нитов. Ты здесь отдыхаешь, Федя, или по делу?

– Федя здесь просто прогуливается, – сказал другой вор. – Это же видно. Это мы тут на работе, а Феденька просто вдыхает весенний воздух.

– Если тебе что-то говорит фамилия Бурис, то это вопрос закрытый, Федя, – сказал третий вор. – Лучше тебе любоваться другими видами.

– А что за тон? – спросил Нитов, сжимая зубы от злости. – Ты что, Толокай, в тузы вышел? Или вы двое?

Толокай улыбнулся.

– Мы тут третий день, а ты – пять минут, – сказал он. – Если хочешь обсудить это на правилке, только скажи – устроим. Жора-Ермак здесь, в столице.

Нитов быстро представил себе, как проиграет этот спор, если его вызовут на правилку.

– Я тут по сердечным делам, да не могу узнать дом, – медленно сказал он. – Как будто здесь был, а как будто нет. Подозреваю в этом коньяк в пять звездочек. Помню лишь, что дама была пылкая брюнетка. Я у нее один сверточек забыл...

Воры принялись качать головами и широко улыбаться.

– Завидуем тебе, Феденька, – сказал Толокай. – Вот как нужно жить! Красивый образ.

– Да уж, – подтвердили остальные.

Нитов вышел в переулочек, спустился к реке и остановился у гранита.

Ему всегда нравились гранитные набережные, но сейчас он был занят другими мыслями. Он зашел на чужую территорию и был изгнан. Его обошли.

Квартира Тараса Буриса стала делом других людей.

Глядя на воду, Нитов рассеянно покусывал губы.

Ему захотелось посидеть в теплой пивной с кружкой пива, прогнать печальные мысли.

Но стоило ему подумать об этом, как вдруг вспомнилась жаркая парильня.

– Кто куда, а я на экватор! – произнес он, пересчитав оставшиеся деньги.

Прямо сейчас он отправится в самые лучшие бани и купит номер. Закажет «Мартовского» или «Ленинградского» пива, самого крепкого. Спросит сушеной рыбы. Потребуется лучший березовый веник. Закутавшись в горячую простыню, предастся млению, которое ценит всякий приличный вор. Иные находят удивительные слова, описывая это чрезвычайно приятное ощущение.

Улыбаясь, Нитов быстро зашагал к автобусной остановке.

...В банях не нашлось свободных номеров.

Купив место в общем зале, рядом с двумя посетителями в очках, Нитов подозвал банщика и выложил перед ним «музыку», соответствующую моменту.

– Я не знаю, какую жижу предпочитают эти четырехглазые бухгалтеры, а ты принеси мне пару прохладного «Мартовского» пива. Но не сейчас, а когда выйду из парильни. Только не говори «нету». Не оскорбляй мой слух этим дрянным словом. Ты банный министр, и в твоём департаменте должно быть все. Но сначала – хорошее воспитание.

Огромный ажурный крест, вытатуированный на груди Нитова, многое рассказал банщику о клиенте.

Поэтому он слушал молча, лишь немного грустно улыбаясь.

– Есть превосходные веники, – сказал он. – Есть сушеная щука. Бутерброды с сыром. Пиво только что привезли. «Мартовского» нет, а «Ленинградское» будет. Разумеется, только для вас.

– Получишь медаль за отвагу, – сказал Нитов. – А сейчас неси горячую простыню. Раскаленную!

– Сию минуту.

Выйдя из парильни, Нитов посидел минуту с закрытыми глазами, а после выпил крепкого, прохладного пива.

Он чувствовал себя очень хорошо.

Ему стало любопытно, какие люди наняли кабинет, играют ли они в карты или просто пьют и закусывают. Или увлеклись разговорами.

Он слышал, что так любят отдыхать столичные футболисты.

Когда банщик понес в кабинет тарелки с закусками, там вдруг мелькнуло знакомое лицо.

– Птюха! – почти выкрикнул Нитов. – Не может быть. Вот гад. Шикарно отдыхает!

О Птюхе обычно говорили одно и то же: особенный вор, вор-картинка.

Это был человек с красивым, ленивым лицом. «Купеческий сын в обнимку с везением», – сказал о нем Жора-Ермак. И после этого все стали так думать.

Птюха всегда действовал один.

Высокий и плотный, когда он шел по улице в пальто с меховым воротником, его принимали за иностранца.

Нитов не мог припомнить другого вора, который бы, как Птюха, носил только белые тонкие рубашки с запонками. Но в своей зависти к этому человеку он не любил признаваться даже себе.

Птюха вернулся из тюрьмы после войны и сразу стал жить на удивление хорошо. Его видели на бегах с известными личностями. С Жорой-Ермаком он однажды три часа сражался на бильярде. Кто-то видел его в кинотеатре с красивой блондинкой.

Нитов мечтал стать такой же загадочной и удачливой персоной.

Он дождался, когда Птюха отправится в парильню, и появился там через минуту.

– А ну, папаши римские, подкиньте жару, – громко сказал он двум посетителям, вошедшим следом.

Не торопясь, словно взбираясь на королевский трон, он устроился на полке рядом с Птюхой и закрыл глаза.

– Чудное мгновенье, – прошептал он громко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.